

УДК 316.7

DOI 10.52452/18115942_2023_1_108

ОПЫТ СОЗДАНИЯ А. ЗИНОВЬЕВЫМ НОВОЙ СОЦИОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ ОБЫДЕННОГО СОЗНАНИЯ

© 2023 г.

В.П. Козырьков

Козырьков Владимир Павлович, д.соц.н.; проф.; профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
kozir3@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 29.06.2022**Статья принята к публикации 16.01.2023*

Наследие Зиновьева многообразно и противоречиво. Оно изменялось по своему характеру, испытывая влияние различных исторических и социокультурных условий. Его многообразное творчество охватывает всю вторую половину XX и начало XXI века. В статье раскрываются общие и специфические для Зиновьева факторы генезиса социологии. Показывается взаимосвязь позитивизма с обыденным сознанием на различных исторических этапах. Ставится проблема связи «логической социологии» Зиновьева с позитивизмом и феноменологией. Анализ взаимосвязи обыденных и научных элементов позволяет раскрыть особенности «логической социологии», которую он разрабатывал в критике западной и отечественной науки. Доказывается, что «логическая социология» не стала влиятельной в развитии отечественной социальной мысли. Главная причина – отказ Зиновьева от материалистической диалектики, отсутствие адекватной социокультурной среды и профессиональной поддержки. Показывается эволюция диалога Зиновьева с диалектикой Маркса и марксизмом. Зиновьев пришел к выводу, что диалектика поглощается его комплексной логикой и потому не нужна в разработке новой социологии. Анализ наследия Зиновьева позволяет сделать вывод, что отечественная социология так и не стала диалектичной, а без диалектического мышления не смогла развиваться теоретически, подчинившись ее западным вариантам, по существу позитивизму в его разных формах, и установке на мультипарадигмальность. Зиновьев так и не преодолел логику обыденного сознания. Анализ творческого пути Зиновьева в социологии показывает одну из фундаментальных причин провала советского проекта пути к социализму в конце XX века: общество так и не стало развиваться на научных основах, что противоречит природе этого общества. Трагедия становления отечественной социологии была одной из фундаментальных причин «русской трагедии».

Ключевые слова: социология, диалектика, Зиновьев, Россия, метод, абстрактное, конкретное, эмпирия, теория, трагедия.

Введение

Становление социологии продолжается уже третий век. Продолжается с перерывами и зигзагами, успехами и поражениями. Каждая новая эпоха претендует на новую, «настоящую» социологию, которая, однако, в итоге становится лишь еще одним направлением ее становления. Так случилось с позитивизмом, социальной феноменологией, структурно-функциональным анализом и др., хотя О. Конт, А. Шюц, Т. Парсонс и др. претендовали на единственно правильную социологию. Сейчас они все сосуществуют на равных, так как социологи отказались от создания единственно верной науки и успокоились на всех устраивающей мультипарадигмальности.

Но состояние мультипарадигмальности социологии не всегда устраивает социальную практику. Для нее нужны не только определенные социологические знания, но и понимание общей картины существования и развития общества, без которой практика постоянно будет наткаться на противоречия, неожиданные про-

блемы и системные кризисы. И нужен не пестрый калейдоскоп различных картин, а вполне определенная и достоверная картина, ответственность за которую несут социологи, так как она является необходимой научной основой принимаемых стратегических решений, разрабатываемых социальных программ и проектов.

Не прекращаются попытки преодолеть эклектизм (то есть мультипарадигмальность) в социологии. В отечественной науке одной из таких попыток стала «логическая социология» А.А. Зиновьева (1922–2006), которая разрабатывалась им во второй половине XX века. Он практически в одиночку принял на себя ответственность за решение фундаментальной задачи – разработать новую общую социологию, чем вызвал неприятие официальной науки и власти, которая считала, что такой проблемы в советском обществе нет. И, как потом выяснилось, отторжение со стороны представителей западной социологии, так как их мало интересовали проблемы развития советского и постсоветского общества. Само название науки – «логиче-

ская социология» – казалось претензионным и никак не связанным с существующими парадигмами и традициями. Тем более что Зиновьев утверждал, что его логика вышла из диалектики и «поглотила» ее в себе, а для западных социологов диалектика – неприемлемый ингредиент науки.

Сам по себе этот факт уникален в развитии социологии, поэтому требует осмысления. Поэтому выходят статьи, посвященные различным аспектам творчества Зиновьева: в области логики, философии, литературы, социологии. Есть опыт анализа творчества Зиновьева в целом [1, 2]. Но есть один аспект творчества Зиновьева, который остается в тени, – связь методологии Зиновьева с диалектикой и обыденным сознанием. Связь, которая имеет социокультурный характер, став истоком возникновения социологии и повлияв на процесс возникновения социологии в новом типе общества. Это показал опыт Зиновьева.

Цель статьи – раскрыть в общей форме один из аспектов становления и развития логической социологии Зиновьева: ее взаимосвязь с современным обыденным сознанием как социокультурным фактором этого процесса. Именно обыденное сознание стало одним из непреодолимых препятствий в его теоретических построениях принципиально новой социологии, поэтому его проект создания принципиально новой социологии остался незавершенным.

Метод – социокультурный теоретический анализ. Творчество Зиновьева включало не только социологические, но и многие другие духовные формы культуры, вне взаимосвязи с которыми невозможен анализ истоков его социологии.

Опыт генезиса социологии Зиновьева в общем социокультурном контексте

Зиновьев прошел свой путь выработки модели социологии, который она когда-то изначально прошла во времена О. Конта и К. Маркса, но в более сокращенном варианте и в другой конфигурации. Но между ними есть нечто общее. Есть нечто общее и с генезисом социологии в России, когда она официально не признавалась вплоть до 1917 года, а потом, после краткого периода становления, снова была запрещена.

Особенность генезиса логической социологии в том, что Зиновьев начал разрабатывать свою социологию в 70-е годы, когда социология западного типа в стране была реабилитирована и существовала институционально, хотя и в ограниченном виде и с прилагательным «марксистская». Одновременно существовали исторический материализм и научный коммунизм, дисциплины, каждая из которых претендовала

на статус марксистской социологии, но с различными функциями.

Но, несмотря на исторические и идеологические различия условий, общее было то, что становление социологии исторически происходило через социокультурный диалог между различными формами и уровнями общественного самосознания: профессиональным и дилетантским, теоретическим и эмпирическим, художественным и понятийным, диалектическим и позитивистским. И каждая сторона этого разностороннего диалога стихийно и в различной степени апеллировала к *здоровому смыслу*, то есть к основе обыденного сознания и к существующей духовной структуре, принимая ее определенные формы и отторгая другие.

И в этом диалоге тон задавал *позитивизм*. Как это ни странно прозвучит, но он проявил себя и в историческом генезисе социологии, и в советских условиях, но только в марксистской терминологии. Продолжает доминировать и сейчас в разных формах.

Важно еще раз подчеркнуть, что О. Конт, действительно, основатель социологии. Не потому, что он придумал термин «социология». И не потому, что оказался самым оригинальным в своих идеях. Более глубокими и оригинальными в то время были идеи А. Сен-Симона и Ш. Фурье. Заслуга Конта в том, что он создал *позитивистскую* социальную науку, которая базируется на здоровом смысле индустриального, капиталистического общества и на структуре обыденного сознания, отвергая диалектику. По мнению О. Конта, «собственно здравый смысл преимущественно заботится о реальности и пользе» [3, р. 71] и со временем все «ложные научные воззрения» исчезнут «перед судом всеобщего здравого смысла» [3, *ibid*]. Именно позитивизм стал социальной наукой, адекватной новому типу общества, которое складывалось после Великой французской революции.

В последующем любое новое направление в социологии, которое возникало за два века, было непосредственно или завуалированно формой позитивизма, даже критикуя его. Например, Т. Парсонс – создатель общей теоретической системы социологии, почти что повторил Конта: «Хороший здравый смысл часто приносит лучшие результаты, чем плохой теоретический анализ» [4, с. 324]. Представители социальной феноменологии отвергали позитивизм, но только внешне, так как внутренне, отвергая идею диалектического развития, были выразителями структур повседневности и обыденного сознания с помощью специальных процедур. То есть это тоже позитивизм, но только в особой форме, близкой к художественной.

Поэтому идея позитивности поддерживалась не только «контристами», – она поддерживалась и поддерживается всеми консерваторами в политике. Поэтому ее поддерживал даже Гегель, – не позитивист, а создатель теории диалектики. Достаточно привести его знаменитую мысль, что «все действительное – разумно» [5, с. 14–17], которая сыграла свою важную роль в развитии социальной мысли. Так что Маркс преодолевал не контовский, а гегелевский позитивизм, когда писал свою работу «К критике гегелевской философии права», от которой ведет свое происхождение марксистская социальная наука.

Идея позитивизма вообще носилась в воздухе, так как, во-первых, являлась доминирующей чертой духовной культуры и ее обыденного сознания. Во-вторых, позиция позитивизма во многом вызвана отрицанием популярных утопических, революционных и романтических настроений в обществе. На основе двух этих моментов и выстраивались различные социальные теории.

Зиновьев отвергал позитивизм двояко: путем создания новой логики (комплексной), которая вобрала в себя диалектику, и сатирических романов, которые он назвал социологическими. Второй путь оказался более успешным, но теоретически не выигрышным. Зиновьев лишь осмеивал существующее обыденное сознание советского общества, которое было пронизано догмами, мифами и утопиями, но не объяснял его теоретически.

Зиновьев теоретически отвергал позитивизм за то, что он отрицал в социальной науке возможность создания крупных теорий развития. Позитивизм не нуждается в большой теории, довольствуясь «ползучим эмпиризмом», который, опять-таки, порождается рассудком, не способным на теоретические обобщения и воспроизведение социальных явлений в целостности. Поэтому Зиновьев начинал свой путь в социологию с изучения метода Маркса «восхождение от абстрактного к конкретному», с помощью которого строилась его социальная теория.

Опыт Зиновьева еще раз показал, что позитивизм есть «родимое пятно» западной социологии и поэтому на всех стадиях эволюции капиталистического общества он лишь менял свою форму. Подтвердилось это и становлением социологии в постсоветском обществе.

Новый этап развития обыденного сознания и новая необычная форма позитивизма

Замысел новой социологии появился и в современных социокультурных условиях. Формирование социологии Зиновьева происходило, когда в духовной культуре начался новый этап

диалога научного и обыденного сознания. Сциентизм, с его культом математики, потерял свое влияние. На авансцену стал выдвигаться постмодернизм с его отрицанием больших теорий и социологии вообще. На первый план выдвинулись метафоры и воображение. И все же через ряд метаморфоз позитивизм получил новое дыхание в особой форме – мультипарадигмальности. Внешне он не узнаваем. Но это позитивизм по сути, лишь только прикрытый фрагментами разных концепций. Все же он обнаруживается, когда предлагается выбор «подхода» (то есть субъективного решения в выборе метода) для проведения исследования. Но если бы не было *скрываемой общей основы для сравнения концепций и теорий*, то были бы невозможны их сравнение и выбор. И таким общим основанием является позитивизм.

Наследие Зиновьева важно использовать для анализа характера нового этапа эволюции социологии, так как оно вобрало в себя многообразные сюжеты внутреннего диалога в социологии, диалога между ее различными направлениями и другими дисциплинами. Но когда началось активное изучение его наследия, то выяснилось, что на первое место Зиновьев ставил все же социологию [6–8]. Впрочем, это и был выбор Конта. Далеко не случайно, что в это время появились монографии, сборники и статьи по проблемам роли обыденного сознания в связи возникающей социологии с развитием духовной культуры [9–11]. Значит, появилась потребность в анализе этой взаимосвязи, которая всегда волновала позитивистскую социологию и вдруг стала менять свой характер.

Объективной причиной такой потребности стал нарастающий внутренний диалог в самой социологии между ее элементами и уровнями. Он усилился под воздействием объективных революционных изменений в технике, технологиях и системе коммуникации. Они вызвали революцию в развитии обыденного сознания, которое приобрело свою *технологическую основу* в виде СМИ, массовой культуры и Интернета – этой «информационной свалки». Такого еще не было в истории. Веками основой обыденного сознания были мифы, стереотипы, обычаи, сплетни, слухи и др. феномены повседневной духовной жизни. Никакой технологии не было.

Но с возникновением технологий возникла принципиально новая ситуация: обыденное сознание стало доминировать над *теоретическим знанием*, которое к тому же обвинили в тоталитарной власти над сознанием человека. Обвинение в тоталитарности – самое страшное обвинение для либерала, который, правда, все же при-

знает тоталитаризм рыночных и денежных отношений, в том числе и в духовной сфере, включая науку.

В новом духовном пространстве социология тоже трансформировалась, приобретая новые очертания и формы. В методологии стала доминировать мультипарадигмальность (эkleктизм), демонстрируя новый уровень господства обыденного сознания над научным. В качестве аргумента правомерности такого положения утверждается, что мультипарадигмальность ведет к умножению *многообразия* научных знаний, давая человеку *право выбора* среди методологических подходов и научных теорий. Но ситуация выбора есть результат переноса рыночных отношений в социальную науку, отношений, которые сейчас доминируют в повседневной жизни и в обыденном сознании.

И все же мультипарадигмальность есть форма позитивизма, поскольку отношение к направлениям в ней не критично: все существующие направления признаются равными и оправданными в силу того, что они появились и пробрели своих многообразных сторонников не только в среде профессиональных социологов, но и в массовом сознании, в сетевых сообществах. Эти сообщества и живут за счет непрерывного диалога, который невозможен без различных представлений о статусе социологии и ее возможностях. А если нет критики, то нет и науки. Мультипарадигмальность есть завуалированная форма позитивизма точно так же, как такой завуалированной формой позитивизма стала советская социология, подаваемая в оболочке марксистской терминологии. Ничего удивительного, что в 90-е годы именно позитивизм стал приобретать доминирующий характер.

Одна из причин появления «Зияющих высот» Зиновьева – реакция на набиравшую в стране силу позитивистскую ориентацию в развитии социологии в оболочке марксистской терминологии. Эта ориентация одобрялась партийной и государственной бюрократией, так как снабжала власть социальной информацией.

Получалось, что марксистская социальная наука остановилась в развитии, а за ее развитие выдавались комментарии уже высказанных суждений Маркса, Энгельса и Ленина вопреки всем требованиям материалистической диалектики, что истина всегда конкретна и в каждую новую эпоху надо начинать исследование общества заново. Но это и есть позитивизм, когда отрицается принцип историзма и развития в самой социологии. Внешне представляется парадоксом: советский научный коммунизм как теория построения социализма и коммунизма превратился в новую форму позитивизма. Хотя парадоксального тут

ничего нет: формировались идейные предпосылки для перехода к капитализму.

Можно ли разрушить обыденное сознание с помощью патриотизма и логики?

В этом месте анализа правомерны такие вопросы: разработал Зиновьев в новых условиях принципиально новую социологию или предложил очередную «парадигму»? Если нет, то какие проблемы возникли на этом пути и не позволили ему это сделать? Или все же правы сторонники мультипарадигмальности и единая социология невозможна?

Анализ наследия Зиновьева показывает, что одной из тормозящих творчество Зиновьева проблем стал его непрерывный диалог с обыденным сознанием, которое он оценивал критично, но *не диалектично*, сам подчинившись его влиянию. Разумеется, существовали и другие внутренние причины, но мы о них скажем только вскользь. И все же больше всего сил Зиновьев отдал написанию социологических романов, в которых «сражался» с проявлениями обыденного сознания.

Социологические идеи Зиновьева возникли не на пустом месте и не только на основе разработанной им комплексной логики [12]. Они порождались духовной атмосферой второй половины XX века, когда закончилась Великая Отечественная война и в обществе был высокий победный патриотический дух.

Тогда казалось, что все научные задачи решаемы и по плечу людям, победившим фашизм и поверившим в могущество науки. Но на пути этой уверенности встали представления обыденного характера, выраженные в социальных догмах, новых мифах, стереотипах, которые поддерживались авторитарно и догматически мыслящими учеными, использующими марксистскую терминологию.

Главная проблема, которую нужно было решить Зиновьеву для разработки новой социологии, – разрушить существующее обыденное сознание. Но Зиновьеву досталась судьба Дон-Кихота, борющегося с ветряной мельницей. Его социологические романы не оказали серьезного влияния на советское обыденное сознание и не разрушили его [13]. Они вызвали только раздражение власти, поскольку управление массовым обыденным сознанием она считала собственной привилегией. Но Зиновьев своими романами вошел в эту сферу и поставил перед собой такую задачу, которая не может быть решена одним человеком. Понятно, что решить ее ему не удалось: его просто выслали из страны в Германию.

Но через некоторое время это было сделано самим государством и всей его мощной идеоло-

гической машиной, когда был взят курс на перестройку, а затем и на реставрацию капитализма, для которого требовалось новое обыденное сознание. На общество обрушилась волна критической отечественной и западной литературы, подорвавшей основы обыденного сознания – здравый смысл. Поэтому когда Зиновьев возвратился в новую Россию, он уже столкнулся с новым обыденным сознанием, анализируя его в книге «Русская трагедия» на основе показательных признаний в своих ошибках.

Как Зиновьев оказался в русле социальной феноменологии

Казалось бы, Зиновьев был далек от социальной феноменологии, но его социологические романы есть лишь ее форма, которая приправлена социологической терминологией и сарказмом. И логическая социология в целом, несмотря на ее декларируемую абсолютную научность, есть лишь *описание* социальной реальности в логической оболочке.

Логические схемы наполняются тем знанием, которое существует уже на обыденном уровне, но только в другой терминологии. То есть он практически делал то же самое, что и представители феноменологии, но только с помощью своей комплексной логики и сарказма.

Зиновьев стремился уйти от пустых абстрактных конструкций, как это делается и в феноменологии, приходя к выводу, что «социальным атомом» [14, с. 182–184] является каждый человек, а объектом социологии являются «комбинации социальных атомов» [14, с. 190]. Поэтому Зиновьев не признает каких-то объектов социологии вне человека, которые не имеют реального, конкретно чувственного существования. Возникает вопрос: а как же метод К. Маркса восхождения от абстрактного к конкретному, который стал истоком его комплексной логики?

Зиновьев считал, что диалектика Гегеля и Маркса не оправдала себя в анализе процессов новейшей истории, поэтому стала архаичной, вызывая лишь ироническую улыбку. Зиновьев одним из первых заявил о диалектической слабости советской марксистской теории, ее склонности к позитивизму, хотя в советское время постоянно декларировалась необходимость использования диалектики и выходила масса литературы по диалектике современной эпохи, диалектике социализма и его структуры [15–17]. И все же Зиновьев обнаружил в советском варианте марксизма склонность к позитивизму. Примерно так же, как мальчик из сказки Андерсена прокричал на всю площадь: «А король-то голый!».

Но представители феноменологии поступают как портные из сказки Андерсена, лишь со-

здавая различные «платья» для прикрытия социальной реальности, используя потенциал обыденного сознания.

Впрочем, через ряд метаморфоз [18] развитие феноменологического направления социальной науки подвело его сторонников к выводу, что социальная феноменология более адекватна не противоречивой социальной реальности, а ее художественному воспроизведению [19, 20]. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Зиновьева постоянно тянуло к написанию художественных произведений, что подтверждает нашу мысль о внутренней связи логической социологии с социальной феноменологией.

Конкретное начало социологии Зиновьева – диалог с диалектикой Маркса

Зиновьев вошел в науку с идеей необходимости освоения диалектики К. Маркса, которая реализована в «Капитале». Рассмотрим этот вопрос отдельно.

Для диссертационного исследования среди всех методов диалектики Зиновьев выбрал метод восхождения от абстрактного к конкретному, принципиально важного в разработке новой теории. В его оценке данного метода, «степени зрелости сознательного и развитого способа мышления он достиг лишь при определенных социальных условиях и на определенной ступени развития наук» [21, с. 12]. Речь идет об экономических науках прежде всего, но Зиновьеву было важно понять, как эту методологию Маркса можно применить к выработке новой социологии.

Однако потом отношение к диалектике Маркса стало меняться. В итоге он отказался от материалистической диалектики, считая, что его комплексная логика вобрала в себя диалектику. Он был уверен, что «диалектика как учение есть языковая конструкция, и как таковая она должна строиться в соответствии с правилами логики. И, прежде всего, она должна быть логически непротиворечивой. Пренебрежение к логическому аспекту было и остается характерным для всех сочинений на тему о диалектике» [22, с. 32].

Но еще более радикально его заявление, что учение Маркса не является научным, так как стало идеологией. Зиновьев писал: «Один из самых выдающихся умов в истории человечества – Маркс – создал в общем и целом величайшую в истории нерелигиозную идеологию, а не науку, хотя стремился к научному пониманию общества и был убежден в том, что создал именно таковое» [14, с. 171]. Впрочем, в научности Зиновьев отказывает и западной социальной мысли, в «которой на самом деле доля научного подхода не превышает таковую в марксизме» [14, с. 172]. Понятно, что един-

ственная научность присуща только социологии Зиновьева, с позиции которой он и дает такие оценки.

Но если с этим согласиться, то, следовательно, мы должны знать, что же действительно великого открыл Зиновьев, отрицая материализм диалектики Маркса и считая, что его комплексная логика уже вобрала в себя диалектику.

«Взорвал» ли Зиновьев обыденное сознание?

Еще раз отметим, что силу обыденного сознания Зиновьев оценивал очень высоко и по своему опыту, и через чтение русской классики. Он писал: «Я считаю, что с социологической точки зрения самым значительным в творчестве Чехова является обнаружение власти ничтожеств и ничтожности («обыденщины») как основы основ жизни государственно организованного общества» [23].

Сразу ответим на вопрос: Зиновьев не преодолел обыденного сознания, а обогатил его новыми, логическими элементами. По своему содержанию произведения А. Зиновьева были безопасными для власти, так как все, что в них было изложено, читатели знали и находили массу подтверждений в их повседневной жизни. Ведь своими социологическими романами Зиновьев погрузился в пространство обыденного сознания. Но в том-то и опасность книги «Зияющие высоты», что на обыденном сознании держится идеология, есть одна из его форм, хотя советская идеология публично позиционировалась как научная. И поскольку Зиновьев самовольно «влез» в пространство обыденного сознания, раскрыл его детали и подверг осмеянию, возникла опасность, что он взорвет его изнутри. Все, что было достойно осмеяния, в романе было собрано в кучу и осмеяно с позиции якобы социологии, так как романы назывались социологическими.

Но социологии в них было так же мало, как в советском научном коммунизме – научности. Но люди приучены доверять ученым мужам. Зиновьев был уже известным в стране и в мире логиком, у него были свои ученики и последователи. Вот тут-то власть испугалась того, что люди начнут думать реалистично, освобождаясь от догм.

Но если будут думать в том же обыденном духе, то есть только посмеявшись над собой, как и сейчас распространено, то это не опасно, так как Зиновьев в своей книге «Зияющие высоты» рассуждал так же, как советские теоретики, но в вывернутой наизнанку манере. Ведь даже сам Зиновьев в книге заявлял, что он предложил «сочинение квазинаучного социологического трактата» [24, с. 10], сочинение по «социомеха-

нике» [24, с. 12], хотя Зиновьев много рассуждает о социальных законах, которые якобы проявляются в общении и взаимодействиях людей и должны изучаться социологией. Но ведь это и есть позитивистский подход к социальной реальности, поскольку общество не рассматривается как развивающаяся материальная система.

Для прояснения ситуации важно еще раз назвать одного из основателей социальной науки, Ж. Прудона. Он стал использовать диалектику Гегеля формально, то есть наполнять логические схемы Гегеля содержанием из произведений известных тогда экономистов, находя в них противоречия и выдавая такой труд за новое слово науки, в частности, в произведении «Система противоречий». Оно имело большую популярность, высоко оценивалось А. Герценом, который находил их гениальными. Герцен ставил его на один уровень с Гегелем, утверждая: «Человек, не переживший «Феноменологии» Гегеля и «Противоречий общественной экономии» Прудона, не перешедший через этот горн и этот закал, не полон, не современен» [25, с. 23]. На первых порах работу Прудона «Что такое собственность?» считал гениальной и Маркс. Они много спорили друг с другом, выясняя и уточняя свои позиции. Но потом Маркс к нему охладел, находя, что Прудон в действительности не понял диалектики, не догадываясь о существовании ее материалистической формы, что подробно написано в произведении «Нищета философии».

А. Зиновьев тоже стал писать работы на манер Ж. Прудона, наполняя уже не гегелевские формулы и не марксистские формулировки, что делали советские философы, а сатирически препарировав известные всем социальные взаимосвязи на основе своей логики. Но сатира, будь она в логической или какой другой форме, которые существовали в истории социальной мысли еще в эпоху Просвещения и Романтизма (Б. Мандевиль, Д. Свифт, Д. Дидро, А. Гофман, Г. Андерсен и др.), не дает прироста социологического знания. Она «работает» в пространстве обыденного сознания, не выходя за его пределы. Она только расчищает почву на поле обыденного сознания для выращивания нового социологического знания, имеющего *диалектико-реалистичный* характер.

Скорее всего, такое знание можно получить в действительно художественных произведениях. Например, во время становления русской социологии – Г.И. Успенский, Н.Г. Гарин-Михайловский, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов и др., а не в социальной науке, которая уходит от материалистической диалектики. Поэтому функцию социологии по формированию обществен-

ного самосознания в России долгое время выполняла художественная литература. Так что советское обыденное сознание не изменилось под воздействием социологических романов Зиновьева. Оно стало меняться только в 80-е гг., когда в роли субъекта его изменения выступило само государство и вся огромная пропагандистская машина. Но решающие удары ему нанесли начавшиеся радикальные реформы, изменившие повседневную жизнь людей, а вместе с ней и обыденное сознание.

Еще раз о позитивизме Зиновьева

А раз социология не приобретает диалектико-реалистического характера, она может быть только новой формой позитивизма в оболочке логической терминологии. То есть это уже *логический позитивизм* в социальной науке, позитивизм, который не может быть критичным по существу: он только находит предмет для иронии, для смеха, то есть для эстетической реакции.

Зиновьев прослеживал, как логические законы постоянно нарушаются в советском обществе, обнаруживая сплошную алогичность, чем вызывал раздражение у властных идеологических структур. Этим самым реакция на социологические романы Зиновьева отличалась от реакции на произведение «Мы» Е. Замятина, произведение «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова. Его язвительное и прямолинейное толкование общественных отношений в советском обществе, представленное как некое зазеркалье, противоречило текстам официальных теоретиков с апологией существующих общественных отношений советского общества.

Действительно, такое ощущение на первый, обывательский взгляд может сложиться. Только в отличие от анекдотов, часто добродушных и критичных, произведения Зиновьева не просто насмешливые, а издевательские на уровне смешков подростков, выраженных в словах «социзм», «ибанск», «партоград» и т.п.

Эта насмешливая струя его романов продолжалась до последнего дня, когда, например, в книге «Фактор понимания» он утверждает, что «преодолев гегелевскую идеалистическую мистификацию законов диалектики, марксизм принес с собой материалистическую вульгаризацию их» [14, с. 166].

Как это ни странно прозвучит, но Зиновьев не находил в диалектике Маркса *материалистичности*, раскрывая только логическую сторону. Зиновьев считал, что его комплексная логика поглощает диалектику, а если социология становится логической, то, значит, и диалектической. Он не называл свою социологию диалектической или марксистской. Однако он был

согласен с Марксом в том, что фундаментальные связи и объекты в обществе обнаруживаются только «силой абстракции», следуя в этом методу Маркса, но отказывая ему в материалистичности. В этом состояла противоречивость его логики.

Если следовать методу Маркса, надо бы исследовать абстрактные общественные отношения советского общества, их элементарные формы, как это делал Маркс в «Капитале». Только в результате движения от абстрактного к конкретному обретается в социологии конкретный объект исследования в его целом. Например, общество, социальная структура и т.д. На обыденном уровне познания эти объекты не обнаруживаются, как, скажем, не обнаруживаются элементарные частицы в физике или клетки в биологии. Но если в естественных науках они обнаруживаются визуально с помощью мощных приборов, то в социальных науках таких приборов нет. Есть лишь сила абстракции, которая фиксирует общественные отношения в виде интересов людей или продуктов отношений, которые визуально фиксируются в символах или вещах. Например, стоимость и деньги.

И здесь Зиновьев тоже непоследователен, так как в другом месте он утверждает, что «социальные объекты (явления, предметы, феномены) суть объединения людей и люди как члены этих объединений» [14, с. 162], а не общественные отношения и взаимосвязи. При этом социальными исследованиями занимаются не только профессионалы, а всякий человек. Но существуют обывательские и научные социальные исследования. Причем «обывательские представления о социальных объектах имеют ничтожно мало общего с их научным пониманием» [14, с. 163].

Судьбу страны Зиновьев считал трагической, нарисовав очень мрачную картину ее будущего. Его общий вывод таков: «мы как единый, целостный народ совершили историческое самоубийство» [26, с. 30], а «в отличие от отдельного человека, умирание народа может растянуться на много лет, десятилетий и порою столетий» [26, с. 30], и сейчас «народ доживает свой век в состоянии глубочайшей и неизлечимой депрессии» [26, с. 30]. Вывод беспощадный, но лучше все же отнести ее не к народу, а к социальной мысли, которая чуждается диалектики, поэтому не видит переходов в противоположность лишь потому, что привыкла доверять только свершившемуся факту, а вместо новой теоретической идеи порождает лишь эмоцию отчаяния.

Но это все же обыденная позиция в оценке перспектив развития России, которая тожде-

ственна позитивистской и не является диалектико-социологической. История всегда делает зигзаги, и мы начинаем чувствовать ее различные повороты и развороты, которые раскрывают противоречия развития «человеиника», по терминологии Зиновьева.

Заключение

Анализ опыта разработки новой социологии А. Зиновьевым, его «логической социологии», показал, что до сих пор развитие социологии происходило на основе позитивизма в его различных формах, явных и завуалированных, включая догматическую социальную науку советского периода. Зиновьев сделал попытку диалектизировать социологию, используя диалектику К. Маркса, но его опыт в этом направлении остался незавершенным. Да и диалектику Зиновьев считал «включенной» в его «комплексную логику», которую он разработал. Начав свою новую социологию с диалога с массовым сознанием советского общества, он сам оказался в его власти, во власти структур здравого смысла, сражаясь с ним лишь с помощью своих сатирических социологических романов и комплексной логики. Между тем здравый смысл можно преодолеть только с помощью диалектической социологии, которым овладевает общество, а не «логической социологии», которую Зиновьев разработал в противовес диалектической. Не овладев диалектическим социальным мышлением, массовое сознание останется в рамках здравого смысла, фиксирующего лишь парадоксы, и, как следствие, порождая общественную потребность в позитивистской социологии, в том числе в советском обществе. В этом можно убедиться и раскрытием процесса развития социологии на протяжении двух столетий. Анализ опыта создания новой социологии Зиновьевым еще раз демонстрирует эту закономерность. Зиновьев в своих личных научных установках отвергает позитивизм в социологии, но теоретически не преодолевает его. Показывает это и процесс становления социологии в постсоветском обществе, несмотря на всю ее мультипарадигмальность.

Логическая социология Зиновьева не стала новой общей социологией, оказавшись очередным описанием социальной реальности, но лишь в логической терминологии. Опыт включения Зиновьевым фактов, возникших с созданием электронных моделей отдельных функций сознания и поведения человека, качественно не изменил характер общественных отношений, хотя и усилил сложность и противоречивость социальных процессов, но, одновременно, осла-

бил теоретическую составляющую социологии, ослабив и позитивистский подход. Ему на смену приходит социальная феноменология. Происходит это в социологии Зиновьева, когда он дает яркое описание происходящих событий, но обходит антагонистические противоречия общества, оставаясь в рамках здравого смысла, подкрепленного его комплексной логикой.

В статье показано, что доминирующим мотивом его многообразной духовной деятельности стал патриотизм, а не только атмосфера «оттепели», как это обычно подчеркивается в литературе. Этот мотив вызвал у Зиновьева потребность решить поставленную перед собой высокую задачу – создание новой социологии. Но при этом он не признал научности марксистской социальной науки и диалектики Маркса. Поэтому Зиновьев постоянно сходит на позитивистскую позицию и эстетическую в ее феноменологической или сатирической форме. В этом проявилась противоречивость методологии Зиновьева и главная причина несостоявшегося формирования социологии нового типа.

Тем не менее опыт ее разработки, встречающиеся на этом пути препятствия и противоречия являются ценным, незаменимым опытом в этом направлении, который нуждается во всестороннем исследовании. Частью русской трагедии и даже ее истоком является *трагедия становления социологии в стране*. Опыт создания адекватной для советского общества социологии оказался трагичным. Логический подход, будь он многозначным или комплексным, не дает возможности социологии взойти на теоретический уровень и полностью оставить уровень обыденный. Отсюда апокалипсический вывод Зиновьева о смерти России.

Список литературы

1. Феномен Зиновьева / Сост. А.А. Гусейнов, О.М. Зиновьева, К.М. Кантор. М.: Изд-во «Современные тетради», 2002. 400 с.
2. Катышевцева Е.В. «Формула жизни»: очерки социальной философии А.А. Зиновьева. Ижевск: УдГУ, 2006. 164 с.
3. Komte A. Discours sur L'Esprit positive. Paris, 1908. 172 p.
4. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000. 880 с.
5. Гегель Г.В.Ф. Философия права // Гегель Г.В.Ф. Соч. Т. 7. М.-Л.: Соцэргиз, 1934. 380 с.
6. Социологическое наследие А.А. Зиновьева // Сборник научных статей / Отв. ред. Н.И. Гаврилов. Донецк: ДонГУУ, 2015. 287 с.
7. Гусейнов А.А. Социологическая трилогия Александра Зиновьева // Ведомости прикладной этики. 2022. № 59. С. 103–114.
8. Карл Кантор: Логическая социология Александра Зиновьева как социальная философия. URL:

<http://zinoviev.info/wps/archives/47> (дата обращения: 30.06.2022).

9. Чельшев П.В. Исторические парадигмы обыденного сознания. М.: МГУ, 2003. 231 с.

10. Дьяков Л.Л. Социальное познание и обыденное сознание // Вестник Воронежского института МВД РФ. 2007. № 4. С. 55–61.

11. Обыденное и научное знание об обществе: взаимовлияния и реконфигурации: Монография / Под ред. И.Ф. Девятко, Р.Н. Абрамова, И.В. Катерного. М.: Прогресс-Традиция, 2015. 328 с.

12. Зиновьев А.А. Очерки комплексной логики / Под ред. Е.А. Сидоренко. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 560 с.

13. Козлова Н.Н. Социализм и сознание масс: (социально-философские проблемы). М.: Наука, 1989. 158 с.

14. Зиновьев А.А. Фактор понимания. М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. 528 с.

15. Семенов В.С. Диалектика развития социальной структуры советского общества. М.: Мысль, 1977. 215 с.

16. Руткевич М.Н. Диалектика и социология. М.: Мысль, 1980. 356 с.

17. Философские вопросы теоретической социологии: Учебное пособие / Под ред. проф. В.Я. Ельме-

ева, проф. Ю.И. Ефимова. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2009. 743 с.

18. Смирнова Н.М. Социальная феноменология в изучении современного общества. М.: Изд-во «Канон», РООИ «Реабилитация», 2009. 400 с.

19. Natanson M. The Erotic Bird: Phenomenology in Literature. URL: https://www.goodreads.com/book/show/1448790.The_Erotic_Bird.

20. Natanson M. Phenomenology and the Social Sciences. URL: <https://philpapers.org/rec/NATPAT> (дата обращения: 30.06.2022).

21. Зиновьев А.А. Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса). М.: ИФ РАН, 2002. 321 с.

22. Зиновьев А.А. Логическая социология. М.: Социум, 2002. 260 с.

23. Зиновьев А.А. Мой Чехов. URL: <http://zinoviev.info/wps/archives/161> (дата обращения: 30.06.2022).

24. Зиновьев А.А. Зияющие высоты. М.: ПИК, «Независимое издательство», 1990. 318 с.

25. Герцен А.И. Былое и думы // Герцен А.И. Собр. соч. в 30 тт. Т. 9. М.: АН СССР, 1956. 354 с.

26. Зиновьев А.А. Русская трагедия. М.: Изд-во «Эксмо», 2005. 512 с.

A ZINOVIEV'S EXPERIENCE OF CREATING A NEW SOCIOLOGY IN THE CONTEXT OF ORDINARY CONSCIOUSNESS

V.P. Kozyr'kov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Zinoviev's legacy is diverse and contradictory. It has changed in character, being influenced by various historical and socio-cultural conditions. His diverse oeuvre spans the entire second half of the twentieth and early twenty-first century. The article reveals general and specific to Zinoviev factors in the genesis of sociology. The relationship between positivism and ordinary consciousness at different historical stages is shown. The problem of the connection of Zinoviev's "logical sociology" with positivism and phenomenology is posed. An analysis of the relationship between ordinary and scientific elements reveals the peculiarities of "logical sociology", which he developed in his critique of Western and domestic science. It is proved that "logical sociology" did not become influential in the development of domestic social thought. The main reason is Zinoviev's rejection of materialist dialectics, lack of adequate sociocultural environment and professional support. The evolution of Zinoviev's dialogue with Marx's dialectics and Marxism is shown. Zinoviev concludes that dialectics is absorbed by his complex logic and therefore unnecessary in the development of a new sociology. An analysis of Zinoviev's legacy allows us to conclude that domestic sociology never became dialectical, and without dialectical thinking it could not develop theoretically, submitting to its Western variants, essentially positivism in its various variants, and a multi-paradigmatic attitude. Zinoviev never overcame the logic of ordinary consciousness. An analysis of Zinoviev's creative path in sociology reveals one of the fundamental reasons for the failure of the Soviet project of the road to socialism at the end of the twentieth century: society never began to develop on a scientific basis, which contradicts the nature of that society. The tragedy of the formation of domestic sociology was one of the fundamental causes of the "Russian tragedy".

Keywords: sociology, dialectics, Zinoviev, Russia, method, abstract, concrete, empiricism, theory, tragedy.